

СИТУАЦИЯ

Рос. вести. - 1992. - 24 сент. - с 4

Ведомственная дьяволиада

Правительство Москвы приняло постановление «О результатах конкурса на право реконструкции д.№ 10 по улице Большой Садовой...» Речь идет о «доме Булгакова»

Владислав МОНАХОВ

Ветшает старая Москва. Разрушаются, «руинируются», по воле префекта Центрального округа А. Музыкантского, историко-культурные памятники. В их числе – бывший доходный дом «по Садовой 302-бис». Детально описанный в булгаковском романе «Мастер и Маргарита», он стал едва ли не принадлежностью бесстрастного романа, живой иллюстрацией к нему.

До революции владельцем этого дома, как гласит справочник «Вся Москва», был московский купец Ил. Дав. Пигит. А после него здесь помещалось жилтоварищество – одна из «рабочих коммун». Оттуда, из 20-х годов, и пришло к нам неуютное слово «коммуналка»!

Здесь, в доме Пигита, – первая квартира Михаила Булгакова в Москве. Вернее, комнатка с окнами во двор в квартире № 50, которая «пользовалась если не плохой, то, во всяком случае, странной репутацией». Писатель и ей был душевно рад. Тому, что удалось-таки зацепиться за островок высвободившегося жилья в волнах жилищного кризиса, который переживала Москва.

В этих стенах Булгаков написал «Дьяволиаду», «Роковые яйца» и «Белую гвардию». А позже писательская фантазия поселилась в «нехорошей квартире» профессора черной магии Воланда с бесовской свитой.

Сегодня в знаменитом шестом подъезде, ведущем в «нехорошую квартиру», все лестничные марши, стены от пола до потолка испещрены рисунками на сюжеты «Мастера и Маргариты», цитатами из великого романа. И, заметьте, ни одного дурного слова, ни одной надписи вроде «Вова + Таня...», «Здесь были...»

И сколько ни закрашивали дэзовские маляры эту «чертовщину» казарменной зеленой краской, фрески, наслаиваясь друг на друга, появлялись вновь. Назовите писателя, который не мечтал бы о таком читательском признании своего таланта!

...Поднимаюсь на пятый этаж по «литературной» лестнице. Она слышала шаги Воланда, Коровьева, Азazelло...

Казалось бы, сам Бог велел создать в этом доме музей писателя и музей романа. Признаюсь: легкий холодок пробежал по коже, когда нажимал кнопку звонка. Да что ни говорите, а есть магия места, где происходили необыкновенные события романа. Здесь по-особому чувствуешь аромат фантазмагорического булгаковского мира.

Я шел сюда, чтобы заступиться за «дом Булгакова», помочь убедить его от ведомственных посягательств. Здесь, в квартире № 50, мы и договорились встретиться с заместителем председателя Булгаковского фонда Натальей Геннадьевной Романовой.

– Булгаковский фонд появился два года назад, – рассказала мне Наталья Геннадьевна. – Наши уч-

редители – творческие союзы. Писателей, художников, театральных деятелей, кинематографистов... Обещали помочь нам и организационно, и деньгами. Только «мы молока не видали пока!» Спасибо газете «Коммерсантъ» – она перевела нам двести тысяч рублей. Фирма «МММ» дала 55 тысяч. Еще 80 тысяч получили от научно-практического центра «Мы вместе». Их едва-едва на «столярку» хватило!.. Мы сидели на ящиках в булгаковской комнате. Может, и вправду «нечистая сила» здесь пошаливает или просто дом без ремонта обветшал, только не везет квартире № 50. То пожар вспыхнет на чердаке, то лопнут трубы. А для того чтобы залатать обвалившийся потолок, настелить полы и вообще привести квартиру в божеский вид, у Булгаковского фонда нет средств.

Мы вспоминали с Романовой слова Михаила Афанасьевича: «Никогда и ничего не просите! Никогда и ничего, и в особенности у тех, кто сильнее вас. Сами предложат и сами все дадут!»

– Но, похоже, никто ничего не предложит, – с горечью говорит Наталья Геннадьевна. – А ведь Булгаков издается во всем мире! Думаю, справедливо было бы, если бы часть гонорара от изданий поступала в наш фонд. Михаил Афанасьевич заслужил добрую память о себе.

Судьба дома № 10 по Большой Садовой давно беспокоит общественность. Ведь с этим домом связан огромный культурно-исторический пласт России! И не только имя Булгакова освещает его.

Здесь бывали Федор Шаляпин, и Василий Качалов, Сергей Прокофьев и Алексей Толстой, Константин Паустовский и Василий Суриков. Тут Сергей Есенин познакомился с Айседорой Дункан...

Восемь лет московская общественность вела борьбу с чиновниками – этими булгаковскими шариковыми – за Дом российской культуры. Какие только причины ни назывались, чтобы отказать в создании его. Главное управление культуры исполкома Моссовета и Министрство культуры РСФСР сочли «музеефицирование указанной квартиры нецелесообразным». Дескать, дом жилой, жильцы и так устали от «нечистой силы» – булгаковских поклонников. К тому же лифта нет. Кому охота пешком взбираться на пятый этаж?.. Стоял на дворе 1987 год, и в мосгорисполкомовских чиновных недрах вынашивалось решение о передаче дома... под общежитие для слушателей военно-политической академии.

Кто только не бил по этому поводу тревогу! Чингиз Айтматов и Андрей Вознесенский, Ролан Быков и Михаил Ульянов, Белла Ахмадулина и Мариэтта Чудакова – одна из самых авторитетных специалистов-булгаковедов. Их боль, высказанная публично, оказалась, увы, гласом вопиющего в пустыне.

«Прошу изучить просьбу. Хорошо бы решить вопрос. 13.02.1989 года». Это виза М. Горбачева на письмо председателя правления Советского фонда культуры Д. Лихачева и первого секретаря правления Союза кинематографистов СССР

Э. Климова, которые настаивали на создании в Москве Булгаковского центра.

«Мы предлагаем, – писали они, – использовать этот подъезд (8 квартир общей площадью 800 кв. м) для создания Булгаковского центра, который мог бы включить в себя мемориальную квартиру, архив писателя, читальный зал и библиотеку, театральную студию, видео- и выставочные залы...»

Речь шла о том, что в доме на Большой Садовой может возникнуть не просто музей, а уникальный культурно-просветительский центр, аналогов которому нет в мировой музейной практике и который станет заметным явлением в духовной жизни Москвы.

Итак, Михаил Сергеевич поддержал идею создания Булгаковского центра, а председатель исполкома Моссовета В. Сайкин... «поправил» генсека. В исполкомовском решении фигурировал уже не весь подъезд, а лишь четыре квартиры.

Булгаковским домом занимались и Сайкин, и Попов с Лужковым. Когда Гавриил Харитонович баллотировался на пост мэра Москвы, в его предвыборной программе был пункт о музее Булгакова. Однако в мэрских заботах он как-то позабыл о нем.

– Помочь нам не помог, но хотя бы письма наши отвечал, – сказала Наталья Геннадьевна. – И на том Попову спасибо!..

Переписка с мэрией, Центральной префектурой, теруправлением «Пресненское» едва вмещается в разбухшую папку. Визы, бумажные решения, а дела никакого – пустота! Эта дьяволиада, по уверению Натальи Геннадьевны, происходила не без тайного участия объединений, банков, СП, которые спорили за право поселиться в престижном доме.

Соискатели проделывали такие коровьевские фокусы и штучки, которые не снились и самому «клетчатому», магу и чародею. Квартиры в практически бесхозном доме раздавались под шумок направо и налево – в краткосрочную аренду ком-

мерческим структурам.

Передо мной – план дома, профессионально вычерченный инженером Романовой. Условные обозначения четырех цветов: красный – незаконно занятое помещение, черный – разрушенные (воистину у семи нянек дитя без глаза!), зеленый – занимаемые жильцами, синий – арендуемые. Так вот, красным цветом была затушевана добрая половина плана здания! А ведь оно огромно – около 8 тысяч квадратных метров!

«Нехорошие квартиры» отзываются разными голосами. Женским контролем из ювелирного магазина кооператива «Эрго», баритоном из мастерской по металлу и шиноремонту, дискантом из малого предприятия «Гал», скороговоркой из кооперативов «Принцип» и «Монолит», милым щебетанием из гостиницы НПО «Промтехмонтаж»...

В квартирах №№ 2, 3, 5 и 5а живут бомжи. В № 30 – семьи милиционеров. Квартира № 23 выгорела при пожаре, № 24, где жили Кончаловские, разрушена... На глазах угасает дом. Его срочно надо спасать!

Конечно, в одиночку «поднять» дом у Патриарших прудов Булгаковскому фонду не под силу. По оценкам специалистов, реставрация его в цифрах прошлого года потянула бы на... 600 миллионов рублей. И то, как говорится, в первом прикосновении. А куда отселить 32 семьи, проживающие здесь?

Но соломоново решение, кажется, найдено. Когда этот очерк дорабатывался, я позвонил секретарю Союза кинематографистов России Борису Гутлину.

– Можете нас поздравить! – сказал он. Правительство Москвы приняло постановление об итогах конкурса на право реконструкции «дома Булгакова». Его выиграли мы. Теперь дело за регистрацией акционерного общества. Его учредителями станут Союз кинематографистов России, концерт «Фоном», который возьмет на себя рублевое финансирование, и иностранный инвестор. Какой? Возможно, «Макдоналдс» или какая-то другая ино-

фирма. Будем искать!.. Согласно условиям конкурса, проведенного префектурой Центрального административного округа, пятьдесят процентов помещений перейдет акционерному обществу, которое намерено создать там культурно-офисно-гостиничный комплекс. Другая половина достанется префектуре, а значит, мемориалу Михаила Булгакова.

К 10 октября «киношники» должны представить правительству Москвы социально-культурную концепцию реставрации, согласованную с Булгаковским фондом, где учитывалось бы музейное, муниципальное и коммерческое использование реконструируемых площадей.

– Нам отнюдь не все равно, кто будет нашими соседями, – говорила мне председатель Булгаковского фонда, профессор Литинститута Мариэтта Омаровна Чудакова. – В доме не должно быть ничего, что противоречило бы булгаковскому духу. Мы не собираемся распоряжаться в каждой квартире. Но человеку, переступающему порог в мир Булгакова, важно сразу почувствовать, куда он попал.

Я слушал Мариэтту Омаровну и живо представлял, каким может стать Булгаковский культурный центр спустя два-три года. Заповедная зона у Патриарших прудов виделась мне местом диспутов, серьезных раздумий о судьбах России. Это и театр одного романа, и компьютерная студия, где будут разыгрываться его ситуации. Это архив, библиотека, читальный зал, кинотеатр, ресторан «У Грибоедова», художественные мастерские, выставки, музей булгаковской Москвы...

Да, есть надежда, что в недалеком будущем квартира № 50 отзовется песней Шуберта «Ты мой покой и тишина». Только есть у меня опасение: как бы коммерческая сторона дела не заслонила, не пересилила духовную.